

Человек эпохи перестройки: частушка как средство трансляции народного сознания

Татьяна Владимировна Краюшкина,

доктор филологических наук, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: kvtbp@mail.ru

В статье рассматривается образ человека эпохи перестройки, который раскрывают частушки того времени, изображающие несколько значимых аспектов исследуемого периода. Выявляется, что отношение народа к перестройке, а также лицам, её затеявшим и нарушившим уклад привычной жизни, представлено в негативном ключе. Простые люди осуждают М.С. Горбачёва и коммунистов и не ждут от преобразований ничего хорошего. Антиалкогольная кампания в текстах по большей части оценивается как отрицательное явление, которое привело к прямо противоположным от ожидаемых результатам. Группа частушек посвящена продуктам питания, одежде, предметам первой необходимости и связанным с ними событиям, в т.ч. исчезновению товаров, их уничтожению, девальвации. Августовский путч 1991 г. тоже не вызывает одобрения у народа, считающего его игрой за власть, не учитывающей интересов обычных людей. Перечисленные аспекты в совокупности представляют портрет человека перестройки, обвиняющего в своих бедах власть имущих. Мужчина данного периода изображается как пассивный, считающий себя жертвой обстоятельств, не привыкший отвечать за происходящее и не пытающийся изменить свою жизнь. Образ женщины эпохи перестройки является более оптимистическим: она позитивно смотрит на мир и умеет находить положительные моменты даже в негативных явлениях действительности.

Ключевые слова: русский фольклор, частушка, перестройка, сухой закон, Горбачёв.

Perestroika man: chastushka as a notion about public consciousness.

Tatyana Krayushkina, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: kvtbp@mail.ru.

The paper reviews the image of the perestroika man which is presented by chastushki of that time depicting several significant aspects of the analysed period. It is revealed that the attitude of people towards perestroika as well as to the people who started it and ruined the habitual style of life was negative.

Common people condemned M.S. Gorbachev and the communists and didn't expect anything positive from the transformations. The antialcoholic company in most texts is evaluated as a negative event which led to the opposite results. A group of chastushka is devoted to alimentary products, clothes, goods of prime necessity, and related events including disappearance of goods, their destruction, devaluation. The August 1991 Coup wasn't approved by people who considered it to be a game for power without taking into consideration the interests of common people. These aspects represent the portrait of the perestroika man who blamed establishment for his problems. A person of this period is depicted as passive, considering himself a victim of circumstances, being unable to be responsible and to try to change life. The woman's figure of the perestroika epoch is more optimistic: she has a positive outlook and is able to find good moments even in negative developments of the reality.

Keywords: Russian folklore, chastushka, perestroika, prohibition, Gorbachev.

Русское устное народное творчество — своеобразная летопись истории народа, где нашли своё место как значимые явления прошедших эпох (татаро-монгольское иго, завоевание Казанского царства и Сибири, Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война [3, с. 52—63] и многие другие), так и сравнительно недавние, к числу которых можно отнести и перестройку. Специфической чертой отражения событий в фольклоре является интерпретация: они воспроизводятся не с позиции достоверности, важная роль в описании отводится художественному вымыслу.

И фольклористы, и лингвисты считают частушку значимой формой политического дискурса. Так, Т.Г. Иванова даёт следующую характеристику: «Частушка — коротенькая песня-миниатюра — принадлежит к фольклорным жанрам, в которых ярко обозначена политическая функция» [2, с. 258]. На высокую значимость таких текстов в политической сфере указывают И.В. Тубалова и Ю.А. Эмер: «...русскую частушку жанровые трансформации приближают к ядерным жанрам политического дискурса» [7, с. 178]. Исследованию политического фольклора посвящена работа А. Минаевой и А. Панченко. Анализируя образец рукописного фольклора — «Сон Горбачёва», — они приходят к такому выводу: «„Сон Горбачёва“, а также неподцензурная сатирическая поэзия эпохи перестройки в целом наследуют уже сложившейся традиции рукописной политической сатиры, которая, возможно, восходит не только к 1960-м гг., но и к предшествующему времени...» [5, с. 189].

Частушка, несмотря на её, казалось бы, очевидную внешнюю простоту, — жанр сложный. В ней сочетаются лиризм и жёсткость, конформизм, порой наигранный, и безапелляционность; традиционная поэтика оперативно и продуктивно используется при изображении сегодняшнего дня. Частушка обозначила ряд важных событий и явлений перестройки, сквозь призму которых становится очевиден портрет типичного представителя эпохи. Цель статьи — обнаружить специфику мировосприятия того периода:

как обыкновенный¹ человек воспринимал себя в перестройке и перестройку в себе, оценивал происходящие события и их воздействие на свою жизнь, какое место в истории отводил лидерам государства, сколь сильным было их влияние на его личный мир. Ю.А. Эмер акцентирует внимание на таком качестве частушки, как отражение коллективного сознания: «...частушка, являясь хранилищем традиционных ценностных ориентаций, фиксирует процессы производства, взаимодействия культурных смыслов, изменения ценностного поля и утверждения системы ценностей на основе коллективных представлений» [10, с. 42]. В качестве основного материала для анализа выбраны политические частушки из собрания А.Д. Волкова [1], записанные им и на фронте, и в тюрьме, и в мирной жизни. А. Кулагина отмечает: «Публикуемый материал из коллекции А.Д. Волкова — самое полное из существующих собрание политических частушек-хроник...» [4, с. 14]. Также дополнительно рассматриваются тексты, размещённые на интернет-ресурсах.

Обнаруживается, что частушка демонстрирует плохое отношение народа к перестройке и лицам, её затеявшим, нарушившим уклад привычной жизни, в частности, весьма негативно изображён Президент СССР М.С. Горбачёв. Следует отметить: вышесказанное вполне укладывается в рамки традиционного мировоззрения, отражённого в фольклоре, где отрицательная оценка давалась многим правителям. Официальное «кумирство» в сознании простых людей требовало компенсации: чем больше восхвалялся руководитель государства, тем негативнее был его образ в народном творчестве. Этого не миновали даже любимые князь Владимир Красное Солнышко и император Николай II. Тексты показывают недоумение людей, вызванное результатами политики М.С. Горбачёва, поскольку неизвестно, что он делал до того, как стал президентом страны, а плоды его трудов неочевидны:

*Перестройки нашей зодчий,
Гениальный Михаил —
Любопытно знать нам очень:
Где до этого он был?* [1, с. 112]

Простой человек недоволен изменениями, происходящими в стране. Он склоняется к такому мнению: *никудашний прораб перестройки по арифметике имел, видно, одни двойки* [1, с. 112]. Обычные люди считали: государство грабят его же руководители. Тексты же свидетельствуют: официально демонстрируемое отношение к М.С. Горбачёву разнилось с тем, как народ воспринимал его на самом деле:

*О таланте Горбачёва
Мы везде трезвоним,
А ему бы подошёл
«ГРАБАЧЁВ» псевдоним* [1, с. 112].

¹ Здесь и далее обыкновенный человек (и интеллигент, и рабочий) будет противопоставляться власти имущим (*прим. — Т.К.*).

Перестройка, по мнению простого человека, это *очередные козни коммунистов*, а Горбачёв в ней лишь играет свою роль — *упорного и неистового* — руководителя. Слова и действия лидеров вновь разнятся: Борисы, Егоры и Михаилы *сулят нам золотые горы*, а сами *шкуру с нас дерут*.

Народ приходит и к такому выводу: супруга М.С. Горбачёва вмешивается не в своё дело — пытается управлять страной. Пожалуй, это одна из немногих частушек, где простой человек просит прощения за совет, который он даёт руководителю государства:

*Ты за дерзость нас прости,
Но Раиску укроти.
Чтобы знала вся страна:
Ты генсек, а не она [9].*

Высмеивается и способность Президента СССР много и праздно говорить. Так, деньги одной из героинь частушки потрачены на покупку радио, а не на хлеб насущный:

*Ничего не кушаю —
Горбачёва слушаю [1, с. 113].*

Значительная доля текстов обыгрывает (естественно, негативно) внешний отличительный признак М.С. Горбачёва — родимое пятно на лбу. Именно из-за него лидеру дано прозвище *Миша Меченый*, а само пятно именуется *звездой вифлеемской*.

Ещё больше, чем образ Горбачёва, популярны в частушках образы коммунистов. Реакция на них весьма однообразна — они высмеиваются, но это смех сквозь слёзы: простой человек вновь оказался обманут. Перестройка ничего не изменила, в неё — *играют*, она не воспринимается народом как событие, от которого будет польза:

*Мы играем в перестройку,
А осталось всё, как встарь:
Похитрей — живут на славу,
Кто у власти — тот и царь! [1, с. 116]*

Коммунисты, коммунистическая партия обвиняются и в том, что всё, возведённое ими прежде, было неверным: *ад мастерили, фундамент строили сверху*. За такое — неправильное — строительство *отдувается народ*. Ставится в вину и предательство идей коммунизма.

В частушках возникают мотивы *тёплых местечек*: на них вновь пристроились коммунисты, которых гонят в *двери*, но они лезут в *окно*. Простой человек абсолютно уверен: *коммунист в перестройку не изменится* [1, с. 236]. В других текстах именно ЦК и министерства именуются *мафией*. Смысл перестройки оказывается за рамками понимания простого человека, т.к. он не видит реальных изменений:

*Где же смысл перестройки?
Не с того взялись конца?
Раньше был подлец у власти,
Теперь — власть у подлеца [1, с. 116].*

Народ уверен: основное занятие коммунистов — воровство — не кануло в лету, оно лишь из тайного стало явным. Воруют те, кто у власти, — генералы и министры.

*Коммунистам честь и совесть
В перестройке не нужны:
Под шумок, у власти стоя,
Растащили полстраны [1, с. 113].*

Распределение, по мнению обычных людей, также осуществляется несправедливо: им достаются горы слов, тогда как себе власть имущие оставляют икру и масло.

Ещё одна группа частушек посвящена оценке перестройки простым народом, его видению роли этого события в своей жизни. Данную оценку нельзя назвать положительной: явление или воспринимается крайне отрицательно, или высмеивается, низводясь до бытового уровня. Человеку непонятна суть происходящих изменений. Вдруг оказалось: созданное прежде было неверным и его теперь необходимо переделать:

*Перестройка — это слово
Как же надо понимать?
Если что-то строить снова —
Надо старое сломать? [1, с. 113]*

Всё, в т.ч. восприятие мира, неожиданно ставится с ног на голову. По мнению простого человека, перестройка подразумевает изменение сути вещей (*Чтоб морковку грызли волки, а «косой» волков поел [1, с. 113]*), которое никогда не произойдёт. Преобразования народ, наученный прошлыми десятилетиями, встречает с опаской, ожидая, что тем, кто не захочет перестраиваться, придётся *сушить сухарики*. От перестройки не ждут добра.

Люди, пытаясь найти ответы на вопросы, куда же движется страна, какое будущее её ждёт, приходят к неутешительному выводу: дорога из коммунизма в капитализм привела на самом деле в *развитой идиотизм*. В другой частушке утверждается: абсолютно все, если подняться над рутинной жизни, идут в одном направлении:

*— Ты куда идёшь, страна?
— Я иду тихонько на...
На работу, на учење...
Просто на... без уточнения [8].*

В то же время народ считает, что на его личную жизнь перестройка повлияла скорее позитивно: она ассоциируется исключительно с увеличением количества и качества особого рода общения между представителями разных полов. В этом плане преобразования оценивают положительно и мужчины, и женщины.

17 мая 1985 г. на территории СССР стартовала масштабная антиалкогольная кампания. Пожалуй, это событие — самое популярное в частушках о перестройке, т.к. именно оно вызвало ряд изменений в жизни обычных людей. Группа текстов сообщает о принятии сухого закона в стране, например:

*Горбач трезвость вводит
Ездил в Евпаторию:
Порубил весь виноградник
И попал в историю [1, с. 113].*

Прошлое вспоминается народом с долей ностальгии: именно там теперь сокрыта память о табуированных спиртных напитках, в т.ч. и слабоалкогольных. Именно с этой позиции — разрешён или запрещён алкоголь — оценивается деятельность руководителя государства в ряде частушек:

*Как сидел у нас Володька,
Была бражка, была водка.
А как сел там Михаил —
Даже пиво запретил [1, с. 112].*

Антиалкогольный закон не сделал жизнь простого человека лучше, вред в разы превысил ожидаемую пользу. Так, люди утверждают: *бестолковый указ хуже спаивать только стал он нас [1, с. 237]*. Положение ухудшилось у всех, а не только у пьющего контингента: *Горько стало выпивохам, да и всем несладко...* [1, с. 113]. Жизнь простого человека, как поётся в другой частушке, утратила радость: теперь ожидаются лишь безалкогольные свадьбы, где гостям будут подавать *кислый квас* и петь *не застольные гимны*. Столь дорогое сердцу некоторых граждан питье водки, которому сопутствовало употребление *мяса* или *сахара*, заменилось в частушках другими, весьма сомнительными, удовольствиями: *зубы чистим кирпичом, Горбачёва слушаем [8], мы включаем телевизор и рекламы слушаем [6]*. Теперь водка доступна только по талонам, а это приводит к риторическому вопросу, чей трагизм очевиден:

*Что же ты наделала,
Голова с заплаткою? [8]*

Другая частушка обвиняет М.С. Горбачёва в следующем: он *довёл до ручки*, т.к. теперь есть возможность пить только с получки. Текст зафиксировал и новое время работы винных магазинов — с двух часов. Простых

людей сводят с ума огромные очереди, обычный человек убеждён: именно отсутствие алкоголя как результат перестройки *взбаламутило страну*:

*Ты за водкою постой-ка —
Окосеешь без вина!* [6]

Народ подметил ещё одну черту антиалкогольной кампании: в результате спились те, кто прежде знал меру в употреблении спиртных напитков:

*Сорок лет я пил,
Но всегда меру знал!
В перестройку за полгода
Алкашом я стал* [1, с. 238].

Из-за запрета люди старались закупать алкоголь без меры, а затем быстро выпивали его, *а то прокиснет вдруг*. Смыслом существования некоторых граждан стало делать запасы спиртных напитков: если раньше приобреталось пол-литра водки в месяц, то теперь при любой возможности делался запас на полгода вперёд.

Простой народ осудил указ президента вот ещё почему:

*Горбачёв на водку цены
Почти в два раза взвинтил!
Он не делом занимался —
Самогогонщиков плодил* [1, с. 113].

В значительном количестве текстов затрагивается такое популярное в годы перестройки явление, как самогоноварение. По мнению обычных людей, именно антиалкогольная кампания спровоцировала столь бурный его расцвет. После того как уничтожили виноградники, *для самогонщиков настали праздники*. Вина возлагается на М.С. Горбачёва, именно ему *спасибо шлют*. В частушках говорится: *самогоночку не варит лишь дурак, лентяй*, именно поэтому в стране исчез сахар, его не хватает даже на *компот* и *чай*. Самогоноварение захватило всё государство: *каждый третий занимается*. Это приносит заметную выгоду и *доход большой* (водку теперь не пьют, потому что *обойдётся дешевле самогон варить*), а также влияет на отношения между обыкновенным человеком и правоохранительными органами. Теперь и представители милиции становятся покупателями у тех, с кем должны бороться:

*В перестройку самогон
Гоню уж третий год.
Ко мне милиция
На водкопой идёт* [1, с. 238].

В текстах обнаруживается и утверждение о пользе антиалкогольной кампании. Например, от лица женщины сообщается: *милёнок бросил пить*

и теперь вновь способен исполнять супружеский долг. Закон одобряется ещё потому, что некоторые граждане смогли быстро обогатиться:

*Борьба с водкою —
Неплохой закон!
Очень многих богачами
Быстро сделал он [1, с. 238].*

Впрочем, у пьющих людей прибыль сводится к той же самой бутылке водки: *Пять очередей продам и даром сутки пью* [1, с. 239].

Меньшая группа частушек о перестройке посвящена продуктам питания, предметам первой необходимости и связанным с ними событиями. Показательным простой человек считает исчезновение продовольственных товаров с полок магазинов. Обращает на себя внимание, что виновницей этого предстаёт сама перестройка, а не лица, её затеявшие. Даже попытка распределения товаров первой необходимости (по талонам) не всегда имеет положительный результат:

*Перестройка бьёт ключом...
То по башке, то по спине:
Чай без сахара мы пьём,
Хоть талоны дали мне [1, с. 115].*

Народу очевидна ложь многих власть имущих, но имена тех, чьи слова расходятся с делом, в частушках не называются. Зато возникает упоминание о талонах как о способе получения самых необходимых продуктов питания и товаров:

*По талонам — хлеб и мыло,
Без талонов — ни шиша.
Без талонов нынче вдоволь
Только на уши лапша! [8]*

В текстах определены те, кто имеет возможность изменить ситуацию к лучшему, но ничего не делает, — депутаты. Именно у них *речи соловьиные*, а народу в это время живётся несладко: *Соль и сахар — по талонам, очереди длинные* [8]. Жизнь, по мнению обычных людей, разделилась на две части: до и после талонов. Они заканчиваются — *хочется повеситься* [8], хотя когда они есть, простому человеку *радостно*.

Народ недоумевает: почему жизнь не становится лучше, ведь именно к ней и должна была привести перестройка:

*Что-то долго я не вижу
Перестроечных примет:
Суп варю всё жиже, жиже,
Мяса в нём в помине нет! [1, с. 116]*

Люди не понимают сути преобразований, опустошивших магазины: *В чем «соль» перестройки? Нет ни соли, нет ни спичек — сплошь пустые полки* [1, с. 114]. Их глаза отказываются видеть перестройку. «Ну а где же тут она?» — вопрошает народ.

*Все товары попропали,
В магазинах [нет ничего]!* [1, с. 116]

Именно в частушках, посвящённых отсутствию еды, довольно активно используется обценная лексика, упоминается о разнообразных действиях, связанных с половым влечением. В одном из текстов, героиней которого выступает обыкновенная женщина, описываются определённого рода переживания:

*Перестройка, перестройка, —
Нет ни мяса, ни муки.
Как бы с этой перестройки
Не ослабли мужики!* [6]

Незначительное число частушек изображает перестройку и вызванное ею отсутствие продовольственных товаров с оптимизмом, основа которого, правда, имеет двойное прочтение и весьма далека от высоких идеалов:

*Проживём и без картошки
Лишь бы были мужики!* [8]

В текстах вдруг возникает ностальгия по прошлому. Застой в восприятии обыкновенного человека внезапно становится идеальным временем для жизни:

*При застое плохо жили,
О еде мы не тужили.
А теперь голодные,
Но зато — свободные!* [8]

Простым людям неинтересна смена их социального статуса, им дороже и ближе забота о своём желудке. В прошлом, когда все были друг другу *товарищи, мясо клали в щи, а как кончилась еда, все мы стали — господа!* [8]

В частушках нашли отражение и такие масштабные акции, как уничтожение продуктов. В тексте чётко обозначено, где именно можно было найти их, причём в большом количестве:

*Чем толкаться в магазинах —
Лучше вам гулять в лесу:
Там вы кучами найдёте
Масло, сыр и колбасу* [1, с. 114].

Голодный народ достаточно точно определяет тех, кто не даёт ему насытиться. Это коммунисты и партюкраты. Любопытно отсутствие в обозначенной группе частушек упоминаний о демократах. Народ считает: уничтожение продуктов вредит перестройке, не соответствует её духу:

*Коммунисты в перестройке
Всё идут всегда вперёд:
С помидорами вагоны
Не разгружены уж год! [1, с. 114]*

Власть имущие *перестройку тормозят, перестройку очень гордо хвалят, перестройке рады на словах лишь*, обычные люди не видят в их действиях заботы о стране и народе. Советский человек — это звучит гордо, он не может быть унижен, возможно, по этой причине в частушке появляется образ рабочего:

*Лучше мясо, сыр сгноят,
Чем рабочим продадут [1, с. 114].*

Перестройка заставляет простого человека по-новому смотреть на жизнь, изыскивать возможности улучшить её. Безусловно, речь идёт только о связанном с телесным существованием — о продуктах питания.

Своё отражение в песенном народном творчестве получило и такое явление действительности, как девальвация: цены на продукты росли, деньги обесценивались. Люди больше всего печалились из-за увеличения стоимости водки и предполагаемой к ней закуски: *Водка стала девять десять, десять сорок — колбаса [1, с. 115]*. В сознании народа не укладывается, как можно проработать месяц и получить возможность купить лишь *кило картошки* или *два батона колбасы*. Обращает на себя внимание, что в данном случае народ высмеивает темпы перестройки, а не саму её суть или людей, затеявших преобразования:

*Перестройки темп хороший!
Чего зря охавать? [1, с. 116]*

Именно *авантюрой* перестройки, при этом одной из многих, простой человек считает девальвацию, лишившую его возможности приобрести самое необходимое:

*За кило картошки просят
Кило сотенных купюр [1, с. 115].*

Не столь активно, как в частушках, посвящённых продаже алкоголя, в текстах изображается продавец. Осуждается не сам способ заработать на жизнь, а высокая цена продуктов:

*Что там в сказке курка ряба?
Есть ценней в три раза!
Продаёт яички баба
По цене алмаза [1, с. 115].*

Человек не может понять, почему так выросли цены. Советское мышление не вмещает в себя реалии нового времени. В текстах обнаруживается ироническое обоснование причины увеличения стоимости товаров:

*Их, наверно, производят
Не иначе — на Луне [8].*

Еда становится более ценной, чем деньги, чья девальвация осуществляется с космической скоростью, и в перестроечной реальности появляются персонажи, казалось бы, из далёкого прошлого:

*Под окошком плачет нищий.
Подала советской тыщей.
Бросил тыщу на песок.
Просит хлебушка кусок [8].*

Реакция правительства на цены напоминает фарс. Оно не предпринимает никаких действий, чтобы облегчить жизнь простому народу, а ведь именно этого люди и ждут. В частушке для описания сложившейся ситуации обыгрывается популярная песня «Ах вы, сени, мои сени...»:

*Хорошо поют со сцены
Президенты — соловьи:
— А вы, цены, мои цены,
Цены новые мои! [8]*

Не осталось без внимания и многократное увеличение стоимости одежды, которое уже почти довело простого человека до ручки: *Чтобы как-то приодеться, одолжите миллион!* [8]. При этом народ подмечает и такую черту перестройки, как неравный обмен. Не только государство обманывает своих граждан, но и его самого обманывают другие страны:

*Заграница присылает
Тряпочки да ниточки.
За границу уплывают
Золотые слиточки [8].*

Несколько меньшее количество частушек посвящено печали народа, вызванной влиянием девальвации на способность купить спиртные напитки:

*Очень много денег надо
На «чекушечку» [1, с. 236].*

В то же время в текстах утверждается, что девальвация сделала жизнь легче: исчезла возможность, а значит пропала и необходимость копить деньги в банке:

*Зарплату доктора наук
Вполне легко пропить [1, с. 239].*

Бутылка становится самым незаменимым платёжным средством, без которого теперь невозможно получить ту или иную важную услугу, например, попросить сантехника починить кран. Это изменение в сознании называется *перестройкой*.

Нашло отражение в частушках и такое событие эпохи, как августовский путч. Людям очевидно место его возникновения: очаг возгорания находился именно в Москве (*от Кремлёвских от ворот начался переворот*). По мнению простого человека, путч затеяли власть имущие: *коммунисты, демократы, мафия, звездастые паханы, Ельцин и Янаев*, не поделившие *власть*. Они именуются и более экспрессивно и нелицеприятно, например, *кровососами* и т.д.:

*Кремлёвские дармоеды
В путч решили поиграть [1, с. 117].*

Именно так: путч, подобно перестройке в целом, воспринимается народом как игра, не заслуживающая доверия, устроенная кремлёвцами *в шутку, сплошная бутафория, борьба за власть, разборка*, возникшая из-за *чрезмерных амбиций*. Следует акцентировать внимание на специфике поэтики именно этих частушек: в материалах, описывающих путч, не используется обценная лексика, столь популярная в рассмотренных выше группах текстов.

По-своему обычными людьми интерпретируется и слово «путч», которому находится масса синонимов: *мелкий спор змей в гадюшнике, очередной скандал в Кремле, интриги властных сил, хохма, даже мафиозная разборка*:

*Что за путч такой?
Давно пора понять:
Разборкой мафии
Нужно то назвать [1, с. 239].*

Путчем народ начинает называть семейные ссоры и неурядицы, это демонстрирует утрату значимости в сознании обычного человека попытки государственного переворота, низведение события до бытового уровня. Так, путч устраивает жена мужу:

*Вчера Семёновна
Мне путч устроила:
Из картофельной ботвы
Суп приготовила [1, с. 240].*

Нашла своё отражение в частушках мысль о причинах возникновения путча. Главную роль, по мнению обычного человека, сыграли амбиции руководителей государства, готовых *уничтожить полстраны* [1, с. 117]. Другие тексты в качестве цели называют запугивание граждан:

*Для народа было то —
Манёвры устрашения [1, с. 117].*

Именно поэтому, считают люди, путч не окончился ни победой, ни поражением.

Частушка апеллирует к песням рабочих царского времени, в которых описывается однозначное негативное отношение к власти имущим. Только в текстах, посвящённых перестройке, место угнетателей заняли демократы:

*Демократы нас, рабочих,
Грабят, унижают,
А теперь ещё вдобавок,
Путчами пугают [1, с. 118].*

В другой частушке утверждается, что причина путча кроется в желании депутатов не запугать трудящихся, а развлечься самим, поскольку *пьянки и гулянки им уже наскучили* [1, с. 118].

Впрочем, роль демократов в путче легко передаётся коммунистам. Только в этом случае причина его возникновения интерпретируется иначе. Главная функция коммунистов — борьба. И, судя по восприятию обычных людей, не важно с кем, но точно не против трудового народа. Именно коммунисты предстают теми, кто не даёт простому человеку жить в мире:

*Коммунисты без борьбы
Жить нам не позволили:
Даже бой между собой
В путче приготовили [1, с. 117].*

Лично для себя люди не видят абсолютно никакой выгоды в путче, именно поэтому они задаются вопросом: *зачем им эти путчи, если жизнь не лучше?* И вновь возникает образ насыщения, только теперь вкусной пищей, ради которой, видимо, и стоит рисковать жизнью. Высокие идеалы абсолютно нивелированы образом сытого брюха:

*А кто сладко жрёт и пьёт —
Пусть под пули сами идёт [1, с. 118].*

О едва не начавшейся гражданской войне, причиной которой мог стать путч, открыто говорится в другой частушке:

*Демократам бунт поднять —
Легче, чем раз плюнуть,
И в гражданскую войну
Всю Россию всунуть [1, с. 117].*

И снова, как несколько десятилетий назад, брат восстал бы на брата, а сын пошёл бы против отца. Ситуация описывается с позиции потенциальной жертвы, а не убийцы:

*Снова стали б наши дети
По родителям стрелять [1, с. 117].*

В другом тексте используется противопоставление кремлёвцев и простого народа, именуемого *невинным*. Именно ему и достаётся больше всего:

*А невинные потом
Очень долго чешутся [1, с. 117].*

Путч — та самая *забава* власть имущих, за которую *своей шкурой* отвечает обычный человек. Люди искренне не принимают идеи путча, не поддерживают его сторонников. Снова возникает противопоставление народа и власть имущих:

*Путч — это борьба за власть.
При чём тут рабочие?
Демократы мутить воду
Отроду охочие! [1, с. 117]*

Впрочем, существуют частушки, в которых выражается непонимание причин попытки государственного переворота, так как, по мнению людей, традиционно борьба — антагонизм двух классов. Путч же лишён данной черты:

*Что за путч такой? —
Не пойму я сам:
Одни и те же коммунисты
Были там и там... [1, с. 239]*

Ряд частушек посвящён результатам, к которым привёл путч. Поскольку отсутствовало противостояние разных социальных групп, произошедшее вызвало лишь смех: коммунисты, поднявшие путч и сами же его подавившие, *этим мир честной просто насмешили* [1, с. 117]. Не была достигнута цель борьбы, только обнажилась слабость закона:

*Закон на фиговых
Начнём писать листах:
Партократы остались
На своих местах [1, с. 240].*

Показателен вывод, к которому приходит народ. Столь страшное, по мнению простого человека, преступление, как государственный переворот, осталось безнаказанным:

*За подобное всегда
Была смерть верная! [1, с. 240]*

Люди считают, что после путча жить легче стало демократам, и убеждены: именно путчисты будут объявлены козлами отпущения (демократы *преступленья и ошибки на путчистов спишут* [1, с. 118]). Впрочем, то же самое действие, но уже в более широком масштабе, приписывается коммунисту, голосовавшему за перестройку: *На кого свалить желает он те-перешний развал?* [1, с. 118].

Простой человек, наученный горьким опытом, предчувствует обман. Путч воспринимается им исключительно как фарс. Нет веры в изменение ситуации в стране:

*Я уверен: власти с путчем
Комедничают и врут —
Ведь они за одно слово
В порошок тебя сотрут [1, с. 117].*

Будущее ничем не отличается от прошлого: *путчи разные будут вновь и вновь*. А итог один и тот же: *лёт простой народ за кровососов кровь* [1, с. 240].

Каковы же они, люди эпохи перестройки? Мир их нарушен. Произошёл отказ от прежней идеологии, спровоцировавший слом сознания; новая идеология им непонятна и потому пока не принята. Частушка акцентирует внимание преимущественно на негативных моментах. Так, чаще всего в ней изображён мужчина, требующий *хлеба засушного*, хотя интересны ему и *зрелища* (весьма умеренно). За рамками мировосприятия оказываются поиск высоких идеалов, вопросы веры. Задача человека перестройки, судя по частушкам, — насытиться, желательно колбасой и сыром, и напиться, желательно не самогонкой. Преобразования расслоили общество. Появились богатые, нажившиеся за чужой счёт, — это понятно простым людям и вызывает их осуждение. Но при этом они ещё не осознали, что сами пополнили ряды бедных. Любопытен психотип человека перестройки, одна из черт которого — обвинение в постигших его бедах других людей. Именно эти другие, власть имущие, несут ответственность за нарушение привычной жизни и обязаны изменить её к лучшему.

Мужчина перестройки, согласно частушкам, пассивен, считает себя жертвой обстоятельств, не привык отвечать за происходящее и пытаться изменить свою жизнь. Он не вспоминает о жене и детях, и это весьма показательно: его мировосприятие сосредоточено на событиях, происходящих вне семьи. В более оптимистическом ключе изображена женщина данной эпохи. Она позитивнее смотрит на мир, умеет находить положительные моменты в негативных явлениях действительности, хотя и её беспокоит проблема *хлеба насущного*. Женщина думает о муже (или милом сердцу мужчине) и о детях, пытаясь адаптироваться к изменяющейся действительности. Показательно, что дети в частушках как самостоятельные персонажи не упоминаются: они, рождённые больными, могут стать ещё одним негативным явлением перестройки — так их оценивает женщина, которая с большой долей вероятности родит нездорового ребёнка от пьющего самогогон мужчины.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. Т. 2. Политические частушки / сост. А.В. Кулагина. М.: Ладомир, 1999. 500 с.
2. Иванова Т.Г. Частушка и советская цензура // История и культура. 2009. № 7. С. 258—264.
3. Краюшкина Т.В. Лидеры воюющих стран: Гитлер и Сталин как персонажи частушек периода Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 52—63.
4. Кулагина А.В. Сатирические частушки-хроники // Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2-х т. Т. 2. Политические частушки / сост. А.В. Кулагина. М.: Ладомир, 1999. С. 5—14.
5. Минаева А., Панченко А. «Сон Горбачёва» и русский политический фольклор эпохи перестройки // Русский политический фольклор. Исследования и публикации Панченко А. Сер. «Новые материалы и исследования по истории русской культуры», Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исследований / ред.-сост. А. Панченко. М., 2013. С. 171—205.
6. Перестройка, Горбачёв // 22—91.RU: информационно-исторический портал. URL: <http://22-91.ru/sovetskii-folklor/30/perestrojka-gorbachev> (дата обращения: 03.07.2015).
7. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Социально обусловленные трансформации малых песенных жанров славянского фольклора в современном коммуникативном пространстве // Русин. 2015. № 3. С. 169—182.
8. Частушки — Перестройка, перестройка, взбаламучена страна // NASELEDUSHAPOYOT.RU: сайт о народной песне. URL: <http://naseledushapoyot.ru/chastushki-perestrojka> (дата обращения: 03.07.2015).

9. Частушки о перестройке и Горбачёве // ALLPERESTROIKA.RU: информационный сайт, посвящённый перестроечному периоду в СССР. URL: <http://allperestroika.ru/chastushki%20o%20perestroike.html> (дата обращения: 03.07.2015).
10. Эмер Ю.А. Частушка как народная рефлексия ценностной системы // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 313. С. 39—42.

REFERENCES

1. *Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova. V 2 t. T. 2. Politicheskie chastushki* [Cherished chastushka from the collection by A.D. Volkov. In two volumes. Vol. 2. Political chastushki]. Moscow, Ladamir Publ., 1999, 500 p. (In Russ.)
2. Ivanova T.G. Chastushka i sovetskaja cenzura [Chastushka and Soviet censorship]. *Istorija i kul'tura*, 2009, no. 7, pp. 258—264. (In Russ.)
3. Krajushkina T.V. Lidery vojujushhix stran: Gitler i Stalin kak personazhi chastushek perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Leaders of warring nations: Hitler and Stalin as characters of chastushki during the Great Patriotic War]. *Rossija i ATR*, 2015, no. 2, pp. 52—63. (In Russ.)
4. Kulagina A. Satiricheskie chastushki-hroniki [Satiric chastushki-chronicles]. *Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova. V 2-h t. T. 2. Politicheskie chastushki* [Cherished chastushka from the collection by A.D. Volkov. In two volumes. Vol. 2. Political chastushki]. Moscow, Ladamir Publ., 1999, pp. 5—14. (In Russ.)
5. Minaeva A., Panchenko A. “Son Gorbacheva” i russkij politicheskij fol’klor epohi perestrojki [“The dream of Gorbachev” and Russian political folklore of the perestroika epoch]. *Russkij politicheskij fol’klor. Issledovanija i publikacii Panchenko A. Ser. “Novye materialy i issledovanija po istorii russoj kul’tury” Institut russoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN, Centr teoretiko-literaturnyh i mezhdisciplinarnyh issledovanij; redaktor-sostavitel’ Aleksandr Panchenko* [Russian political folklore. Studies and publications by Panchenko A.S. “New materials and studies on the history of Russian culture” Institute of Russian literature (The Pushkin House) Russian Academy of Sciences, Center of theoretical, literary and interdisciplinary studies; compiling editor A. Panchenko]. Moscow, 2013, pp. 171—205. (In Russ.)
6. *Perestrojka, Gorbachev* [Perestroika. Gorbachev]. Available at: <http://22-91.ru/sovetskii-folklor/30/perestrojka-gorbachev> (accessed 03.07.2015). (In Russ.)
7. Tubalova I.V., Jemer Ju.A. Social’no obuslovlennye transformacii malyh pesennyh zhanrov slavjanskogo fol’klora v sovremennom kommunikativnom prostranstve [Social transformations of short Slavic folk songs in modern communicative space]. *Rusin*, 2015, no. 3, pp. 169—182. (In Russ.)
8. *Chastushki — Perestrojka, perestrojka, vzbalamuchena strana* [Chastushki — Perestroika, perestroika, the country is disturbed]. Available at: <http://naseledushapoyot.ru/chastushki-perestrojka> (accessed 03.07.2015). (In Russ.)
9. *Chastushki o perestrojke i Gorbachjove* [Chastushki about perestroika and Gorbachev]. Available at: <http://allperestroika.ru/chastushki%20o%20perestroike.html> (accessed 03.07.2015). (In Russ.)
10. Jemer Ju.A. Chastushka kak narodnaja refleksija cennostnoj sistemy [Chastushka as a national reflection of the value system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 313, pp. 39—42. (In Russ.)